

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИОЛОГИЯ УБИЙСТВА

© 2002 г. Е. Г. Самовичев

*Доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор,
Академия управления МВД России, Москва*

Рассматриваются некоторые концепции этиологии убийства и специфики личности преступника-убийцы, психологическая детерминация выбора человеком причинения смерти другому человеку, смысловое содержание данного действия. Высказывается гипотеза о субъективно-психологической презентированности феноменов жизни и смерти, определяющей специфику онтологического статуса преступника как основную предпосылку криминального действия.

Ключевые слова: личность преступника, психологические механизмы убийства, психологическая презентированность смерти, онтогенетические факторы убийства.

Начало специального научного изучения психологических факторов, послуживших порождению таких преступлений, как убийства, может быть отнесено к XIX веку. Одна из первых работ, посвященных исследованию психологии лиц, совершивших убийства, – книга французского автора Ловерна (см. [5]). Причисляя себя к сторонникам френологического направления, Ловерн признавал существование преступников с врожденной склонностью к убийству и полагал, что они отличаются от других людей специфическим строением черепа, особым выражением лица и резко подчеркнутыми животными стремлениями. Однако, обрисовывая убийц, он находил у них способности и к альтруистическим поступкам, к состраданию и раскаянию. Вместе с тем он выделил особую группу убийц с низкой чувствительностью в сфере нравственных явлений и весьма ограниченных в интеллектуальном отношении. Эти существа предстают почти идиотами, не способными преследовать никакой другой цели, кроме преступления.

Идея существования прирожденного преступника, содержащаяся в невыраженном виде в работах “отца” френологии Ф. Галля, нашла свое полное воплощение в трудах основателя антропологической школы уголовного права – Ч. Ломброзо и его последователей.

Ломброзо развивал теорию прирожденного преступника, как человека, обладающего особым органическим, психическим и физическим складом. Для него прирожденный преступник – это человек ненормальный, но в то же время и не сумасшедший. Выделяя три типа прирожденных преступников – убийцы, вора и насильника, антропологи от уголовного права считали решающими их внешние признаки. Так, для убийц, по их мнению, характерны стеклянные, холодные гла-

за, налитые кровью, большой орлиный загнутый вниз нос, широкое лицо, особенно челюсти и скулы, низкий, скошенный назад лоб, оттопыренные, некрасивой формы и заостренные кверху уши с отделенной или мало отделенной мочкой, густые волосы на голове и очень слабая растительность на подбородке.

В одной из своих работ лидер антропологической школы Э. Ферри указывал на существование трех типов преступников (в том числе и убийц): преступника, совершающего преступление по врожденной склонности, преступника-сумасшедшего и преступника, действующего под влиянием страсти [11]. Как полагал Э. Ферри, гениальное описание этих трех типов было дано в литературе Шекспиром: Макбет – прирожденный преступник, Гамлет – сумасшедший преступник, Отелло – преступник из-за страсти.

Надо заметить, что в целом отечественная криминология весьма негативно относится к основным теоретическим предпосылкам антропологической школы, особенно к идее прирожденного преступника. Однако, несмотря на неприемлемую для нас методологию, в работах представителей этой школы содержится много очень интересных эмпирических наблюдений. К числу последних надо отнести и обращение к вышеуказанным литературным персонажам. Так, Ферри был не слишком далек от истины, когда говорил о том, что Макбет в трагедии Шекспира – эпилептик от рождения, но в той, более слабой форме, называемой психической или скрытой эпилепсией, при которой нет “ужасных сокращений мускулов”, характерных для большой эпилепсии, а все ограничивается временным, иногда незаметным, забыванием. Для них же характерна и полнейшая беззаботность, непредусмотрительность в отно-

шении попыток сокрытия следов своего преступления.

О втором типе, воплощенном в образе Гамлета, Ферри пишет так: “Сумасшествие Гамлета хотя и выражается в ясной и рассуждающей форме, но тем не менее является вполне действительным и, хотя убийство короля внушено, как это часто случается у сумасшедших, не низкими побуждениями (мщение за убийство отца), но тем не менее оно указывает на болезненное состояние субъекта, на преступника сумасшедшего, как это показывает и бесцельное убийство старого Полония за то, что тот подслушивал у двери, но слышал только вещи, не имеющие серьезного значения” [11].

Из приведенной характеристики видно, что Ферри, по сути, лишь патологизирует личность Гамлета, опираясь на недостаточную психологическую обоснованность совершаемых им преступлений. Это ход мышления (еще и сейчас присущий криминологам), при котором недостаточная понятность преступления влечет за собой патологизацию личности преступника, а последняя, обретая квалифицированное психиатрическое облачение, нередко выступает в качестве его объяснения. Мы, однако, полагаем, что это лишь иллюзия объяснения и, следовательно, иллюзия понимания.

Аналогичен ход мышления и в характеристике убийцы “по страсти” – Отелло. У этого типа преступников идея убийства зарождается от внушения со стороны другого человека. Едва убийца освобождается от давящего на него чувства, неизбежно “срабатывает” нравственная реакция, приводящая его к самоубийству.

Ферри, как свойственно многим антропологам, берет лишь один факт из истории этого преступления – факт самоубийства преступника. Надо сказать, что сам по себе он вполне реален – многие убийцы вслед за совершением преступления прибегают к более или менее удачной попытке самоубийства. Однако его недостаточно для выделения типа преступников. Вне сферы рассмотрения здесь остается такой психологический феномен, как ревность; весь психологический облик Отелло может быть другим, если в основу анализа положить чувство ревности.

Криминальные антропологи создавали особую научную дисциплину – криминальную психологию, отрасль, отличающуюся как от нормальной, так и от патопсихологии, но вбирающую в себя данные и той, и другой. Эта ориентация отразилась глубокие мировоззренческие проблемы: точка зрения на преступление как на специфический феномен индивидуального бытия личности, выводящий ее за пределы как нормальной, так и патологической психики, отказ от рассмотрения преступника в рамках представлений о функционировании нормальной психики и сильный крен в

патологизацию. Подобный подход в лучшем случае мог вести лишь к обогащению психиатрии дополнительными “криминальными симптомами” ее нозологических категорий, но ни в коей степени не служил объяснением преступлений. Нормальную психологию Ферри считал лишь описательной, противопоставлял ей криминальную психологию как психологию генетическую, т.е. сосредоточенную на проблеме происхождения преступления в контексте индивидуальной истории жизни преступника.

Надо сказать, что такое отношение Ферри к психологии XIX века в целом верно отражало тогдашний уровень ее развития. Эмпиризм и описательность не могли удовлетворить потребность в причинном понимании таких сложных проявлений человеческой природы, какими являются акты насильственного преступного лишения жизни. Ученые того времени чувствовали, что психология преступлений как актов индивидуального поведения людей должна отличаться и от общей, и от патологической психологии. В этом плане их подход к пониманию индивидуальных причин преступного поведения в контексте истории жизни преступника представляется весьма плодотворным.

В конечном же счете, антропологическая концепция личности преступника с ее жесткой установкой на поиск и объяснение принципиальных психофизических отличий преступников от не-преступников привела ее создателя Ч. Ломброзо, к сожалению, к проповеди расистского принципа в уголовном праве: “Мы должны отказаться от современных сентиментальных отношений к преступнику, которыми заражены все наши криминалисты: высшая раса всегда утесняет и истребляет низшую – таков закон человечества. Где дело идет о спасении высшей расы, там не может быть места жалости” (цит. по: [10]). Данный принцип несовместим с отечественной уголовной и уголовно-исполнительной политикой.

В настоящее время в литературе содержится довольно много информации, касающейся характеристики лиц, совершивших убийства. Большинство авторов стараются рассмотреть преступившую закон личность как причину преступления либо как его условие. Более правомерным представляется второй подход – подход к индивидуальным особенностям личности как к условиям совершения преступного деяния. Естественно, что на характере описания неизбежно сказываются как теоретические ориентации авторов, так и их методические подходы к получению соответствующей информации.

Одной из наиболее обстоятельных работ, посвященных анализу психологии данной категории лиц, является сборник “Убийства и убийцы”, вышедший в 1928 г. В статье “К психологии и пси-

хопатологии убийства" Е.К. Краснушкин приводит описание индивидуально-психологических особенностей убийц и механизмов их криминогенного действия.

Находясь в рамках психиатрических категорий, он выделял три основных типа лиц, совершавших убийства, и соответствующие этим типам психологические механизмы. К первому он относил шизофреников с характерной для них изолированностью от внешнего мира и погруженностью в себя (аутизм), проявляющимися в форме чувствительности, ранимости либо безразличия к внешним событиям. Одним из них свойственны импульсивные действия, возникающие из скрытых комплексов, другим – так называемые "расчетные действия".

Ко второму типу он относил лиц высоко чувствительных к изменениям внешней среды, эмоционально "созвучных" этим изменениям, откликающихся на печали и радости других людей собственными чувствами радости и печали (так называемые "циркулярные" больные).

К третьему типу отнесены эпилептики с установкой на подчинение себе окружающей среды, независимо от конкретных характеристик и размеров среды ("от семьи до мечты о покорении мира").

Указанные особенности делают этих лиц крайне чувствительными к некоторым жизненным ситуациям, поэтому они и совершают преступления. Так, аутичный шизофреник убивает того, кто оказывается включенным в его внутренний мир (например, в любовных конфликтах); "холодный" шизофреник убивает людей, нарушающих его эмоциональный покой и мешающих удовлетворению самых простых потребностей ("...всякого рода психологический ущерб влечет за собой кровавый расчет"); стремящиеся к покорению среды эпилептоиды и параноики убивают на почве ревности, их действия развиваются по типу аффективного взрыва.

Е.К. Краснушкин выделял и некоторые характерные для названных типов лиц механизмы совершения преступлений.

1. *Механизм сверхкомпенсации.* В основе лежит глубокое, может быть не всегда достаточно осознаваемое личностью, чувство собственной неполноценности. Оно развивается на базе какого-либо (например, физического) действительно или вымышленного дефекта (например, сформированное условиями воспитания ощущение себя ненужным, лишним). Психическое развитие таких людей идет по пути так называемой "мнимой жизни", заменяющей им реальную, с ее проблемами и трудностями. Преступное действие, возникающее на этой почве, имеет характер излишней демонстрации индивидуумом своего господства над окружающими условиями и людьми.

Различные комплексы неполноценности (физический, интеллектуальный, сексуальный) обнаруживали у убийц и другие, в том числе зарубежные исследователи (Д.А. Абрахамсен, Дж. Гиллен, и др.).

Механизм сверхкомпенсации, несомненно, играет определенную роль в порождении таких преступлений, как убийство, однако не специфичен для них. Вообще, сверхкомпенсация представляет собой один из достаточно общих механизмов психической адаптации человека к условиям, в которых его реальный или мнимый дефект является препятствием для достижения определенных целей, удовлетворения потребностей и пр. В отличие от нормальной компенсации дефекта, сверхкомпенсация реализуется всегда в сферах жизни и деятельности человека, не связанных с той, которая оказалась дефектной и являлась базой формирования комплекса психической неполноценности. Неспецифичность механизма сверхкомпенсации состоит в том, что он не ведет с неизбежностью к убийству, а может реализоваться и в других сферах жизнедеятельности, например, в успехах в трудовой, спортивной деятельности, в административной карьере и пр. Поэтому, чтобы показать специфику механизма сверхкомпенсации как механизма именно убийства, необходимо выявить условия его формирования с позиций данного, весьма специфичного вида человеческих действий.

2. *Механизм "короткого замыкания".* Он представляет собой автоматическую агрессивную реакцию на поразившее человека переживание (например, измену). Реакция связана с инстинктом защиты в его наступательной форме и возникает помимо сознания и интеллекта, разрешаясь сразу в действие. Данный механизм Краснушкин связывает с общей примитивностью, психологической неразвитостью личности, лишаящей ее возможности опосредовать свое поведение социальными нормами и значениями. Отсутствие последних придает личности облик "первобытности", дикости. Надо заметить, что эти термины и являются нередко объяснительными при анализе убийств.

Механизм "короткого замыкания" существует реально и характерен для людей с низким уровнем психического развития, т.е. с неразвитой сферой потребностей, интересов, узким кругом знаний. Однако не всегда данный механизм "примитивных" личностей приводит именно к убийству, а не к каким-то другим формам поведения. Для совершения преступления "короткое замыкание" должно вести к целенаправленной агрессии, которая самим этим механизмом не определяется. Нужны конкретные условия, чтобы инстинкт защиты "сработал" в виде агрессии, направленной на лишение жизни другого лица.

3. “Расширенная форма самоубийства”. Краснушкин разъяснял этот механизм следующим образом: “Тяжелая жизненная ситуация... порождает аффект отчаяния и извращает защитное поведение личности, обращая агрессивные действия на саму личность со всеми включенными в ее “я” близкими людьми. Это – защита себя и близких, составляющих часть физической личности, от надвигающейся неизбежной и более страшной, чем сама смерть, опасности... убийство близких людей так же, как и детоубийство первородящими деревенскими девушками, является актом аутоотомии, отсечением части самого себя в жертву настигшей опасности, разновидностью защитного поведения, распространенного вообще в животном царстве” [2].

Таким образом, механизм “расширенной формы самоубийства” включает в себя тяжелую жизненную ситуацию, переживание отчаяния, проявление защитного поведения в форме агрессии и обращения его на близких людей, включенных в структуру представлений преступника о своем “я”. К этому надо добавить существование “более страшной, чем смерть” опасности.

Среди указанных элементов данного механизма убийства наиболее существенным, на наш взгляд, является последний; ни один из других элементов не специфичен для рассматриваемого вида преступлений. Называя этот механизм “расширенной формой самоубийства”, Краснушкин по сути дела полагал: существует определенная категория людей, которые способны полностью отождествлять себя с другим человеком таким образом, что тот становится частью их собственной личности. Когда возникает опасность, данное лицо убивает другое, чтобы дать тому возможность избежать опасности. Здесь прежде всего следует уточнить, что это за опасность, которая оказывается страшнее смерти? Делая такое заключение, автор опирался на случаи убийства девушками рожденных вне брака детей в условиях, когда обнаружение этого факта другими людьми могло вести к потере матерью места работы, репутации и других жизненно важных условий существования. Такая перспектива обрекала и новорожденного на медленное умирание, и тогда в качестве выхода из ситуации молодая мать избирала убийство ребенка. Можно ожидать, что мать, действующая в соответствии с механизмом “расширенной формы самоубийства”, должна в определенном смысле “умереть” сама, однако существенных изменений в ее поведении и образе жизни, как правило, не наблюдается. Некоторые современные зарубежные авторы также вычленили этот механизм, как специфический механизм убийства, называя его, однако, не “расширенной формой самоубийства”, а “самоубийством по доверенности” [18].

Мы полагаем, что понимать подобные преступления как формы “самоубийства”, – значит неточно толковать данный вид деяний, и смысл их состоит не в этом.

4. К четвертому типу механизмов, обнаруживающихся, в основном, в корыстных убийствах, Краснушкин относил так называемые “расчетные действия” [2, с. 25–26]. Для них характерно отсутствие сильной эмоциональной захваченности личности преступника. Здесь все внешние, социальные образования личности подчинены контролю и управлению со стороны низших, корыстных влечений. При этом корыстно ориентированы не только конкретные действия, но вся личность преступника в целом, ее жизненная позиция и мировоззрение.

Таким образом, в данном случае ведущими служат те черты личности, которые отражают степень ее социализации, социального опосредования поведения. У корыстных убийц эти черты оказываются неразвитыми или выпадают, т.е. детерминация поведения обуславливается более эгоцентричными и ранними психическими образованиями.

Из сказанного видно, что концепция Краснушкина о личностных предпосылках убийств исходит из представления об уровне строения личности – начиная с низших, биологических и кончая высшими, социальными, а также из возможности патологических искажений различных уровней личности. К сожалению, эта концепция не доведена автором до логической законченности, но ее плодотворность в отношении понимания личностной детерминации убийств несомненна. Вообще надо заметить, что структурно-уровневая теория личности может оказаться полезной для понимания многих форм поведения людей, в том числе и преступных.

В целом Краснушкин полагал, что все выделенные механизмы убийств ничего специфически преступного в себе не несут: эти же механизмы управляют и правопослушным поведением людей. Разница, однако, состоит в том, что в преступлениях они как бы стоят на службе у низших, биологических уровней структуры личности, вследствие либо “первобытности” социальной группы, либо слабости организации личности на ее высших уровнях. Следует отметить, что эта слабость может возникать как сиюминутное расстройство под влиянием тяжелой ситуации, стечения жизненных обстоятельств и только на время нарушать нормальное соотношение уровней личности.

Здесь обращает на себя внимание понимание природы убийства как случайного нарушения нормальной структуры личности, однако ничего не говорится о том, почему это нарушение выражается именно в данной форме преступного дей-

ствия. Кроме того, представление о развившейся под влиянием тяжелой жизненной ситуации слабости личности как криминогенном факторе остается открытым вопрос о том, каким образом человек попадает в ситуацию, где структура его личности оказывается нарушенной столь роковым образом.

У зарубежных авторов довольно полный обзор субъективных источников таких преступлений, как убийства, дан в книге Г. Неттлера [19]. Среди причин убийств он указывает следующие:

1. Разрушение навыков, приобретенных человеком в процессе обучения и воспитания. Особенно это проявляется при столкновении с трудностями современной городской жизни (т.е. характерно прежде всего для подростков и юношей, выходящих из семьи в сферу более широкого социального общения, а также для мигрантов из сельской местности). При столкновении с проблемными ситуациями на поведение начинают оказывать влияние бессознательные побуждения, проявляющиеся в агрессивных актах.

2. Опыт ранней половой жизни без предвидения его последствий.

3. Расширение и облегчение внебрачных сексуальных связей, ведущих к появлению внебрачных детей, становящихся жертвами своих родителей.

4. Воспитание в условиях неполной семьи (более криминогенным является воспитание в семье без отца).

5. Прямое обучение различным формам проявления жестокости в так называемых "жестоких культурах". Замечено, что жестокие люди любят наблюдать проявление жестокости.

6. Распространенной причиной убийства, по мнению Неттлера, является чувство любви в его различных вариантах: например, чувство ревности на фоне отношений любви, чувство ревности без любви, чувство зависти как обезличенное чувство в отличие от любви как личностного отношения.

Хотелось бы заметить, что чувство любви нельзя связывать с чувством ревности, психологическая природа этих отношений совершенно различна. Тенденция называть любовью различные формы тяготения людей друг к другу связана со слабой семантической дифференцированностью этих отношений и, с другой стороны, крайней редкостью отношений, соответствующих понятию "любовь". Во всяком случае, убийств из-за любви не совершают.

7. Более распространенным побудителем убийств является похоть, связанная с оргазмом и садизмом. Связь между этими психофизиологическими явлениями была неоднократно показана и в специальных исследованиях [17]. Механизм

здесь следующий: сексуальная стимуляция увеличивает побуждение к агрессивному поведению, однако, если агрессивное побуждение вызывается не сексуальными, а какими-либо другими стимулами, то оказываемое на агрессивно настроенного человека сексуальное возбуждение способно удержать его от насильственных действий. Отсюда можно сделать важный вывод: агрессивные установки человека могут быть в определенной степени нейтрализованы некоторой "дозой" эротики. Интересным и весьма правдоподобным выводом можно считать заключение о том, что первичной целью сексуального насилия является наказание, унижение и, как следствие, деградация жертвы.

8. Садизм – особая категория побуждений, приводящих к убийству. Садистические побуждения связаны с особыми ощущениями удовольствия, находящимися, как правило, под контролем сознания. Замечено, что эти склонности могут быть выявлены уже в раннем возрасте в фантазиях сексуальной ненависти, мучения жертвы и использования беспомощного тела для сексуальных целей. Садисты, как правило, молодые люди. Уже в раннем возрасте у них проявляется ненависть к своим матерям, а позже – к животным; у них нет опыта взаимных отношений любви с женщинами, отсутствуют нормальные сексуальные отношения, характерно предчувствие своей импотентности в отношениях с любимой женщиной. Им свойственна ранняя социальная изолированность: в детстве они имеют мало друзей и не принимают добровольного участия в социальной деятельности; не увлекаются спортом; они не агрессивны по отношению к учителям в школе и производят хорошее впечатление своей подчеркнутой исполнительностью. Акт убийства женщины выступает для них в качестве сексуального стимула: так, удушение жертвы часто сопровождается эйкакзией. Характерно, что кроме своих садистских фантазий они не имеют никакой психиатрической симптоматики. Эту категорию преступников Неттлер оценивает как непредсказуемую, трудно распознаваемую и, следовательно, почти недоступную для эффективной профилактики.

Особо автор выделяет категорию убийц-психопатов, указывая на характерные для них особенности: преувеличенный общий колорит поведения ("шарм"), резко сниженную тревожность, хроническую, но избирательную лживость относительно тех, кто знает об этой их склонности, и тех, кто не знает; неспособность чувствовать вину и стыд; слабо развитое логическое мышление и неспособность извлекать пользу из своего негативного опыта; крайний эгоцентризм и неспособность любить, склонность эксплуатировать других под маской альтруизма, иммунитет к суициду, обезличенную половую жизнь при наличии мно-

жества связей, высокую конфликтность в сфере трудовой деятельности, частую смену работы, неспособность переносить ее естественные трудности. Среди ранних признаков характерны: снохождение, поджоги, энурезы (ночное недержание мочи), жестокое обращение с животными, особенно обезглавливание.

Еще один существенный элемент в механизме поведения убийц состоит в том, что они испытывают особое неудовольствие от восприятия различий между людьми. В основном это чувствительность к различиям в силе и власти, выступающая чаще всего в формах требования моральной справедливости и "борьбы за справедливость". Такие особенности наименее реалистичны и рациональны, поэтому сознательный контроль над ними сопряжен с особыми трудностями, возникающими в связи со стремлением получить привилегии других или лишить их этих привилегий, изменить существующее распределение силы и власти и правила их использования.

Проблема агрессии и жестокости интенсивно изучалась в секторе психологии НИИ при Генеральной Прокуратуре России. Коллектив сектора исходил из предложенной его руководителем проф. А.Р. Ратиновым нормативно-ценностной концепции [3]. В контексте интересующей нас проблемы основным представляется вывод о том, что ценностно-нормативная сфера личности насильственных преступников достоверно отличается от системы личностных ценностей ненасильственных преступников и еще более резко – законопослушных лиц.

Исходной посылкой авторов является представление о ценности другого человека как ядерной (термин А.Р. Ратинова), центральной в структуре личности. С этой позиции и раскрывается природа жестокости. Надо заметить, что суждение о ценности другого человека как ведущей в системе социальных ценностей вполне понятно, если подходить к нему с гуманистических позиций, однако оно может вызвать серьезные сомнения с позиций научных – в связи с широким распространением насилия в мире.

В статье А.Р. Ратинова и О.Ю. Михайловой авторам удается, на наш взгляд, вычленив весьма существенную характеристику жестокости: покушение на "человеческое в другом человеке", которому подвергается "общественный человек внутри частного лица" [4]. Такой подход весьма интересен и плодотворен прежде всего методологически, так как выявляет отношение авторов к проблеме личности и ее содержания. Они находят у насильственных преступников высокую избирательность эмоционального сопереживания, т.е. возникающего только в контакте с любимым или высоко значимым для них человеком. В личности убийц бесчувственность легко уживается с тон-

кой чувствительностью и даже сентиментальностью. Существенно, однако, что авторы считают неверным сведение проявлений жестокости и насилия только к механизмам эмоционального реагирования. Они отмечают: "В агрессивных преступлениях страдания другого человека служат непосредственной целью субъекта, являются формой утверждения сверхценности своего "я", ...источником жестокости является почти полная девальвация ценности других людей... Такое отношение легко переносится на иные объекты, проявляясь независимо от ситуации в различных сферах жизнедеятельности субъекта" [4]. Психологический механизм, в соответствии с которым утверждение сверхценности личности достигается за счет причинения страданий другому, связан с потребностью абсолютного контроля над жертвой и имеет в основе чувства бессилия, беспомощности, низкого самоуважения, а нередко и психофизиологической импотентности, ведущие к подавлению другого путем причинения боли или разрушения жизни, т.е. к позиции, в которой он неспособен себя защитить [16].

Вызывает некоторое сомнение суждение авторов о легкости перенесения тенденции к жестокости на иные объекты, и прежде всего в связи с отмеченной ими же высокой избирательностью агрессивного-насильственного поведения. Такое перенесение, безусловно, наблюдается, однако при ближайшем рассмотрении здесь, как правило, нет легкости, а скорее присутствует определенная закономерность, обусловленная все той же избирательностью насильственного поведения и связанная со спецификой личности данной категории преступников.

Мы полагаем, что суждение о легкости перенесения агрессивного побуждения с одного объекта на другой связано с представлением о высокой социальной ценности объектов агрессивного посягательства – жизни и здоровья человека. Эта ценность и заставляет авторов зачастую недостаточно оправданно расширять сферу действия механизмов, порождающих преступное посягательство, т.е. расширять круг возможных объектов посягательства. Последнее никак не вяжется с высокой избирательностью преступного насильственного поведения. Результатом же непомерного расширения является представление о глобальной социальной опасности таких лиц. Хотелось бы подчеркнуть еще раз, что указанная позиция исходит из социальной ценности объекта преступления и, на наш взгляд, не отражает механизма преступления, а нередко способствует и его искажению.

Следует заметить, что вопрос о механизме перенесения агрессивного побуждения и действия с одного лица на другое – один из центральных и имеющих непосредственное практическое значе-

ние для изучения преступного насильственного поведения. Если принять позицию, изложенную в упомянутой выше статье А.Р. Ратинова и О.Ю. Михайловой, то придется признать максимально, если можно так сказать, высокую степень общественной опасности личности этой категории преступников. Однако если подойти к изучению убийств и личности преступников более детально, то можно убедиться в весьма высокой избирательности этих преступлений, в отсутствии в подавляющем большинстве случаев глобальной агрессивной установки и диффузной тенденции к “безразборному” насилию. Особенно это видно в сфере семейно-бытовых отношений — одной из основных сфер совершения рассматриваемых преступлений.

Значительный интерес в связи со сказанным о ценности человеческой жизни как предмете посягательства представляет статья А. Шестаковой, опубликованная в 1926 году. Изучая убийства в сельской местности, автор пришла к следующему выводу: “Очень характерно, что человеческая жизнь по убийствам этой категории, совершаемым в деревне, расценивается с точки зрения стоимости лошади, коровы, причем в неурожайные годы эта расценка понижалась до стоимости овцы и курицы. Корова, лошадь, нередко поросенок, а иногда даже кусок плетня приобретают притягательную силу, необыкновенную ценность, по сравнению с которыми человеческая жизнь и даже жизнь близких людей тускнеет и меркнет” [12].

Эти наблюдения заставляют усомниться в абстрактном постулировании ценности человека и его жизни как высшей ценности. Такое заключение, предпосылаемое конкретному исследованию, должно основываться на предварительном ранжировании ценностей, а также учете динамичности ценностной системы в целом, когда ранги ценностей меняются. Значительный интерес представляют механизмы, управляющие динамикой системы ценностей. При этом наиболее важно определить системообразующий фактор, как бы центрирующий систему и придающий ей качественную определенность. Так, Шестакова пишет: “Земельный вопрос для большинства крестьянского населения является главным стержнем, вокруг которого строится их жизнь” [12]. Автор при этом указывает, по сути дела, на главный жизнеобеспечивающий фактор: приняв его, можно понять специфику таких преступлений как убийства. Более того, открывается возможность понять психологию не только преступников, но и их жертв. Не развивая эту мысль, приведем еще одну выдержку из работы А. Шестаковой: “Если в голодный год убивали за пуд картошки, за украденную курицу и убивали сплошь и рядом людей, до этого весьма честных, то в поступках убивавших и в поступках убивав-

ших за эту кражу было очень много общего” [12] (подчеркнуто мной. — Е.С.).

Исследование А. Шестаковой позволяет поставить, на наш взгляд, основной вопрос этиологии таких преступлений, как убийства — вопрос о реальных социальных и индивидуальных эквивалентах человеческой жизни, т.е. о жизнеобеспечивающих факторах как мерах ее ценности. Психологическая проблематика убийств сводится, по существу, к поиску индивидуальных жизнеобеспечивающих факторов, имеющих форму не только материальных, но и идеальных объектов, в той же степени способных порождать акты поведения.

Приведенные данные о психологических механизмах умышленных убийств показывают, что ни один из них не является специфичным. Неясным остается прежде всего ответ на основной вопрос: почему указываемые авторами механизмы приводят к совершению именно убийств, а не к какому-либо иным действиям? Можно, вероятно, утверждать: на уровне имеющихся знаний о природе насильственных преступлений установить их однозначную детерминацию не удастся. Поиски привели ко многим интересным и практически полезным выводам и фактам, носящим порой весьма устойчивый характер, однако ни один из них нельзя возвести в ранг непосредственной причины преступления. Более того, один из известных исследователей в области насильственной преступности М. Вольфганг считает, что у человека в обычном состоянии нет никаких психологических стимулов к борьбе, а потому и истоки агрессии кроются вне человека, в его социальном окружении, где и надо искать ее основную причину [20].

С этой точки зрения человек предстает как простой физический объект, чье поведение полностью определяется условиями, в которых он находится. Ошибочность такой позиции очевидна. Мы полагаем, что поскольку насильственная преступность как объективное социальное явление “вовлекает” в свою сферу далеко не каждого члена общества, постольку должны существовать определенные субъективные предпосылки для вовлечения конкретного лица в эту сферу. Собственно, эти предпосылки и составляют содержание психологического механизма преступного насилия. Однако и среди них надо еще выделить те, которые приводят к совершению преступления в его конкретной форме — убийству.

Такая постановка вопроса не традиционна ни для криминологии, ни для криминальной психологии. Как было отмечено, авторы, изучавшие механизм убийства, не находят в нем ничего, характерного только для данных преступлений и отличающего его от других видов насильственного преступного поведения. Отсюда следует, что в

принципе убийство может совершить каждый человек, а вся психологическая информация об этой форме поведения людей представляет в лучшем случае чисто академический интерес.

Тот факт, что еще никому не удалось открыть специфическую детерминацию убийств, свидетельствует не о том, что ее реально не существует, а о том, что: а) не создано адекватной теоретической концепции механизмов порождения конкретных форм поведения человека; б) методы, используемые для изучения специальных причин умышленных убийств, неадекватны своему предмету; в) господствующей является идеологическая, а не научная криминологическая концепция отсутствия специфических детерминант преступного поведения (по сравнению с правопослушным) и особенностей лиц, совершивших преступления (наиболее последовательно эта концепция развита в работе [14]).

Данные обстоятельства, конечно, сильно осложняют даже самую возможность постановки вопроса о наличии специфического механизма совершения конкретного преступления без того, чтобы не навлечь на себя упрек в фатализме. Ведь если признать, что существует механизм, порождающий совершение именно убийств, то придется признать и то, что убийство – не случайный, а закономерный результат работы этого механизма, т.е. неотвратимость наступления тяжкого последствия.

Нам, однако, представляется, что в таком заключении нет ничего фаталистического; действительно, некоторое явление всегда будет неизбежно до тех пор, пока не изменится его механизм, т.е. объективная закономерность его порождения. Нет никаких принципиальных оснований полагать, что человеческие действия не подчинены законам объективной детерминации. Отражения этих законов в ходе познания, научного изучения – явление совершенно другое, как правило, лишь частично совпадающее с объективными процессами. Если бы это было иначе, то всякая наука была бы излишней.

Преступное лишение жизни – объективное социально-правовое явление. Мы полагаем, что существует столь же объективный социально-психологический механизм, приводящий конкретное лицо к совершению данного преступного действия. Главным основанием для такого предположения является сам факт наличия таких преступлений.

Преломление объективных детерминант преступного действия в субъективной, собственно-психологической форме, не делает сами эти детерминанты чем-то случайным, преходящим. Ведь даже само различие понятий объективной и субъективной детерминации преступных действий имеет только гносеологическое, т.е. теорети-

ко-познавательное значение, и в этом смысле условно. Так называемые субъективные детерминанты поведения столь же объективны, как и такие явления как психика, сознание, бессознательное, личность. Их субъективность лучше понимать как принадлежность конкретному субъекту познания и поведения, конкретному лицу, действующей личности. Проблема состоит в том, чтобы увидеть в многообразии субъективных форм те устойчивые процессы, которые и составляют содержание механизма убийства. Ниже мы остановимся на его описании, каким он представился в результате нашего изучения этой формы человеческого поведения и личности реализовавших ее людей.

В основу нашего исследования происхождения убийств было положено предположение о том, что результат любого действия человека не является безразличным относительно личности самого деятеля; независимо от того, стремился ли человек сознательно к достижению объективно наступившего результата, последний всегда имеет определенные предпосылки в структуре личности действовавшего лица [7, 8, 9]. Надо заметить, что на этом допущении, в частности, построена и уголовно-правовая концепция вины. С широких общенаучных позиций указанное представление основывается на концепции взаимоотношений структуры и функции, согласно которой любая функция может осуществляться в рамках строго определенной для нее структуры, так же как и особенности структуры предопределяются характером функции, которую она выполняет [6, 13]. Если рассматривать результат преступного действия как функцию, то вполне правомерно поставить вопрос и о соответствии этой функции структуре личности преступника.

Поскольку лишение жизни – результат преступного действия, постольку в самой структуре личности деятеля уже должно существовать нечто, способное порождать именно этот результат. Другими словами, лишение жизни – это, по сути дела, то общее, что объединяет и личность и действие, находя свое выражение в первом случае в виде структуры, во втором – в виде функции.

Здесь мы выдвигаем другое предположение: феномены индивидуальной жизни и смерти еще до того, как найти внешнее выражение в акте убийства, должны иметь индивидуально-психологическое “представительство” в личности преступника. Это предположение мы расцениваем в качестве *основной гипотезы*, позволяющей поставить вопрос о специфической детерминации убийств, об их психологическом механизме. В то же время такая постановка вопроса вводит в анализ убийств общую проблематику оснований индивидуальной жизни человека, ее объективную и субъективную стороны. Нам представляется, что

вне рассмотрения этих оснований понять происхождение убийств как специфических форм поведения людей невозможно. Весьма низкую продуктивность существующих к настоящему времени концепций, предназначенных для объяснения убийств, мы склонны видеть именно в том, что они не охватывают более глубокий уровень основ индивидуального бытия личности, на котором только и может быть понята специфика этих преступлений. На других уровнях анализа сущность убийств как актов поведения человека не раскрывается.

Изучение личности тех, кто совершил убийства, позволило выявить наличие у них психологической особенности, которую мы расцениваем как главную, предрасполагающую к совершению актов насилия. Эту особенность, в первом приближении, можно определить как **склонность к сильной психологической зависимости от другого лица**. Убийцы в целом относятся к той категории людей, для которых необходимость свободной и самостоятельной адаптации к жизни является всегда трудной проблемой.

Нередко, обсуждая то или иное конкретное преступление, исследователи или практические работники допускают для преступника возможность выбора иного варианта поведения и даже упрекают преступника в том, что он этого не сделал. Но сами преступники очень часто не могут объяснить, почему они не поступили иначе. Факт преступления показывает, что выход из контакта с жертвой является для преступников практически невозможным способом поведения. Надо иметь в виду, что указанная зависимость может реализоваться не только в контакте с жертвой, но и с кем-либо иным, и тогда преступление оказывается опосредованной зависимостью от третьего лица.

Тенденция к психологической зависимости у преступников отличается по своему характеру от аналогичной особенности, свойственной большинству людей. Каждому человеку уже в силу социального характера его развития и воспитания свойственно стремление к объединению с другими людьми для удовлетворения своих потребностей, достижения личных и совместных целей. В этих объединениях каждый неизбежно занимает определенную позицию, в том числе и зависимую, подчиненную. Однако в отличие от убийц правопослушные люди при неблагоприятно для них складывающихся обстоятельствах способны выйти из группы неудовлетворяющего или даже травмирующего их контакта, либо постараться изменить свое отношение к новым обстоятельствам.

Для убийц ситуация принципиально иная. Контакт с кем-либо другим приобретает для них жизненно важный, можно сказать, жизнеобеспечива-

ющий характер. При этом сам преступник приписывает жертве способность удовлетворить его потребности, а затем в той или иной форме требует их исполнения.

В практической работе обнаружить эту особенность личности – тенденцию к зависимости – непросто. В специальных исследованиях она была выявлена путем тщательного анализа истории жизни преступников, а также результатов применения к ним специальных методов психологического изучения. Данная особенность формируется в очень раннем возрасте и становится результатом той позиции, которую занимает ребенок (будущий преступник) в своей семье. Суть этой позиции – отвергание, т.е. неприятие его со стороны родителей и прежде всего матери. Термин “неприятие” здесь означает определенное отношение матери к своему ребенку, при котором она либо не способна, либо не хочет, либо не умеет своевременно и точно удовлетворить его потребности, и, прежде всего, естественные – в пище, тепле, чистоте и т. п. В результате этого ребенок находится в ситуации, если можно так сказать, хронического дефицита, постоянного неудовлетворения своих потребностей. Это состояние и делает его базально зависимым от другого человека (матери), потому что только она может их удовлетворить.

С другой стороны, только удовлетворив свои потребности, любой человек оказывается независимым от среды, в которой находится. Иными словами, пока сохраняется потребность, сохраняется зависимость, и только с ее удовлетворением возникает состояние независимости от жизненно важных объектов. Поскольку для убийц характерна хроническая неудовлетворенность жизненно важных, витальных потребностей, постольку возникает хроническая зависимость от объектов, которые могут их удовлетворить. В этом и состоит наиболее глубокий источник происхождения указанной особенности личности преступников.

Надо учесть, что в названной ситуации ребенок оказывается зависимым от жизненно важных для него условий, воплощенных в лице матери – от пищи, тепла и в конечном счете обеспечивающих безопасность. Недостаток этих факторов создает ситуацию постоянной угрозы для его жизни. Он живет как бы на предельном уровне: никогда не испытывает полной безопасности и удовлетворения своих потребностей и в то же время не доходит до стадии полного лишения этих жизненно важных условий. Мы назвали эту ситуацию “**ситуацией экстремальности существования**”, потенциально несущей в себе смертельную угрозу. В ней и заключается источник происхождения убийств как актов индивидуального поведения. Таким образом, “тема” жизни и смерти начинается “звучать” для людей, находящихся в си-

туации неприятия уже в самом начале жизненного пути.

Весьма важно отметить, что вся указанная ситуация с течением времени (т.е. с возрастом) не исчезает, а лишь переходит в другие формы при сохранении ее содержания и основных отношений. Место матери как основного жизнеобеспечивающего фактора может занять другое лицо, но отношение полной зависимости будет сохранено.

Указанное отношение зависимости имеет еще и другие весьма значимые последствия: у ребенка, находящегося в длительной и сильной зависимости от матери, задерживается процесс автономизации – приобретения независимости и самостоятельности. Задержка имеет огромные последствия для психического и социального развития личности. Главным и наиболее общим из этих последствий является замедленное и неглубокое развитие психических функций – памяти, восприятия, мышления, внимания и др. Личность здесь слабо дифференцируется и усложняется по своему строению. Недаром почти все исследователи личности убийц отмечали их низкий, в среднем, уровень развития, невысокую общую культуру, узкий круг знаний и интересов. Все это – следствие низкой дифференцированности психического склада личности.

В свою очередь, низкая дифференцированность создает основу для слабого развития адаптивных возможностей этих лиц; они обладают весьма ограниченным набором средств и навыков приспособления к изменяющейся окружающей среде. При этом они реагируют на внешние события в основном на более низком и примитивном – эмоциональном – уровне и весьма ограничены в возможностях интеллектуальной переработки воспринимаемой информации.

В связи с общим низким уровнем психического развития и ограниченными адаптивными возможностями, у убийц, по сравнению с более развитыми людьми, резко увеличен круг тех внешних событий и ситуаций, которые они воспринимают как угрожающие. Это и понятно, так как угрожает, в общем случае, та ситуация, для приспособления к которой у человека нет необходимых средств и способов, т.е. нет программы необходимых действий.

Наиболее значимыми и побуждающими убийц к действию являются ситуации, создаваемые лицами, от которых они находятся в зависимости, так как именно они служат для них жизнеобеспечивающими факторами, т.е. теми, кто воспринимается в качестве источников жизни и смерти. Поэтому все, что исходит от этих лиц и соответствующих ситуаций, порождает общую эмоциональную реакцию, не подвергается, как правило, никакой интеллектуальной переработке, взвешиванию аргументов “за” и “против”, ведет не к

формированию и принятию решения, а непосредственно к действию. Мы полагаем, что у убийц нет того, что А.Р. Ратинов и О.Ю. Михайлова называют “девальвацией ценности другого человека”; механизм убийства вообще не включает в себя оценку ценности другого лица как рациональный акт, предшествующий принятию решения. Убийство возникает как действие, направленное на сохранение автономной жизнеспособности преступника, как бы разрывающее связь с жизнеобеспечивающим фактором, который перестал выполнять эту предписанную ему функцию.

Все дело в том, что преступное лишение жизни не является адекватным способом достижения указанной цели, так как способность человека к независимому продуктивному функционированию обеспечивается на ранних этапах индивидуального развития посредством прогрессивной дифференциации психических систем. Нормальный процесс индивидуального развития человека должен вести его к преодолению, “снятию” биологической значимости (витальности) отношений с окружением. Только в этом случае для него открывается возможность формирования продуктивных отношений, свободного, независимого функционирования. У убийц этот процесс блокирован на самых ранних его этапах, а потому базальная зависимость от жизнеобеспечивающих факторов становится основой их онтологического статуса. Это ведет к различным формам “эрозавтономии”, когда скрытая от сознания зависимость личности от различных условий окружения (людей, вещей, норм и правил и пр.) преодолевается с помощью неадекватных средств, к числу которых относится и лишение другого человека жизни. Принося временное состояние психического равновесия, данная проблема по существу, остается неразрешимой.

В заключение хотелось бы высказать соображения о содержании наиболее глубокой основы совершения преступлений рассматриваемого вида. Общий итог проводившихся нами исследований оказался поразительно точно созвучным с мыслью Ф.М. Достоевского, выраженной словами одного из его персонажей: “Не для того я убил, чтобы матери помочь... Мне надо было узнать тогда... вошь ли я, как все, или человек?... Тварь ли я дрожащая, или право имею...” [1]. В приведенном высказывании выражена суть той специфической мотивации, которая приводит именно к убийствам. Весь “секрет” личности убийцы состоит в том, на что именно он имеет право. Отгадка этого “секрета” заключена в предыдущей фразе, где герой выражает свое сомнение в том, кем он является – “вошь или человек?”. Это сомнение содержит наиболее глубокую, фундаментальную психологическую проблему для рассматриваемой категории лиц. Конечно, никому из них она не открывается в такой ясной форме, как это выраже-

но Ф.М. Достоевским, но для каждого из них она реально существует. Своим преступлением эти люди стремятся решить означенную проблему, доказывая себе, что являются все же людьми.

Сказанное выше позволяет сделать некоторые основные выводы:

1. В сознании подавляющего числа людей проблема онтологических основ, специфики их "бытийного" статуса не отражается. Уверенность большинства в своем праве на существование подтверждается для них уже самим этим фактом. Однако исследование историй жизни и структуры личности преступников-убийц показывает, что они представляют собой категорию людей, для которой это не очевидно, что доказывается исключительно фактом криминального лишения ими жизни другого человека.

2. Указанный онтологический статус личности обладает мощным мотивирующим потенциалом. Убийцы демонстрируют совершенно специфический способ существования человека, в основе которого лежит отсутствие субъективно-психологической определенности данного факта и более того – своего права на существование.

3. Убийство не имеет внешней мотивации, его нельзя оправдать никакими внешними обстоятельствами (хотя таковые почти всегда можно найти). Оно имеет чисто субъективную мотивацию, суть которой не в достижении какого-либо конкретного предметного результата, а в преодолении своей "противоестественной" жизненной позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 1983. С. 125.
2. Краснушкин Е.К. К психологии и психопатологии убийства // Убийства и убийцы. М., 1928.
3. Ратинов А.Р. Личность преступника: нормативно-ценностный подход // Психологическое исследование личности преступника. М., 1979.
4. Ратинов А.Р., Михайлова О.Ю. Жестокость как правовая и нравственно-психологическая категория // Вопросы борьбы с преступностью. 1985. № 42.
5. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923.
6. Саркисов Д.А. Очерки по структурным основам гомеостаза. М., 1960. С. 25.
7. Самовичев Е.Г. Причины умышленных убийств и проблемы исполнения наказания за их совершение. Дисс...докт. юрид. наук. М., 1991.
8. Самовичев Е.Г. Убийство: психологические аспекты преступления и наказания. М., 1988.
9. Самовичев Е.Г. К методологии криминогенетического анализа // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия. М., 1988.
10. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1911. С. 105.
11. Ферри Э. Преступные типы в литературе и искусстве. СПб., 1908. С. 41.
12. Шестакова А. Преступления против личности в деревне // Проблемы преступности. М.-Л., 1926. С. 215–218.
13. Югай Г.А. Общая теория жизни. М., 1985. С. 116–131.
14. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985.
15. Eysenck H.J., Nias D.K.B. Sex, Violence and the Media. London, 1978.
16. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. N. Y., 1970.
17. Kraft-Ebing R. Psychopathia Sexualis. N. Y., 1937.
18. Levin I., Fox J.A. Mass murder. N. Y. – London, 1985. P. 100.
19. Nettler G. Killing One Another. Anderson Publ. 1982.
20. Wolfgang M.E. A Preface to Violence. // Crime, Criminology and Society. N.Y., 1970.

PSYCHOLOGICAL ETIOLOGY OF MURDER

E. G. Samovichev

Dr. sci. (law), cand. sci. (psychology), professor, Academy of management of Ministry of Interior Affairs, Moscow

There are considered some conceptions of killing etiology and personal specificity of a criminal murderer as well as psychological determination of one's choice to commit a murder and essential sense of that action. A hypothesis about specificity of the murderer's ontological status as a main prerequisite of a criminal action is advanced.

Key words: personality of a criminal, psychological mechanisms of murder, psychological presentability of death, ontogenetic factors of murder.